

прежнему держаться за дату 23 августа в отношении окончания Курской битвы?» Или совесть и здравый смысл все-таки подскажут нам, что в вопросах памяти погибших солдат и офицеров Красной Армии главное – не дата, а историческая справедливость!

Библиографический список:

1. *Вохмянин В. К., Пармонов А. Ф., Подпригора А. И.* «Харьков. Освобожденный навсегда». Х: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2013. С. 264.
2. *Пармонов А. Ф.* «Коротыч – ключ к Харькову». Х: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2013. С. 88.
3. ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10753. Д. 394.
4. ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 12.
5. Комсомольская правда. 1943. 24 авг. № 199; 25 авг. № 200.
6. Известия. 1943. 24 авг. № 199; 25 авг. № 200.
7. ЦАМО РФ. Ф. 409. Оп. 10057. Д. 295.
8. ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 285.
9. ЦАМО РФ. Ф. УФ. Оп. 2779. Д. 40.
10. ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4949. Д. 71.
11. ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 83.

Пенской В.В.

**ОТ СТРАТЕГИИ СОКРУШЕНИЯ К СТРАТЕГИИ ИСТОЩЕНИЯ:
ГЕРМАНСКОЕ ВОЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ВЕСНОЙ 1943 ГОДА**

Аннотация. История Курской битвы и ее различные аспекты продолжают вызывать интерес отечественных и зарубежных исследователей. В полной мере это касается проблемы анализа немецкого военного планирования и целей германского верховного командования в летней кампании 1943 г., рассмотрению которых посвящена данная статья.

Annotation. The history of the Battle of Kursk and its various aspects continue to arouse the interest of domestic and foreign researchers. This fully concerns the problem of analyzing the German military planning and the goals of the German High Command in the summer campaign of 1943, which this article is devoted to.

Ключевые слова: Курская битва, оперативный приказ, стратегическое планирование, вермахт, летняя кампания 1943 года.

Key words: Kursk battle, operational order, strategic planning, Wehrmacht, summer campaign of 1943.

В 2018 г. исполняется 75 лет победы в Курской битве – одного из крупнейших сражений Второй мировой и Великой Отечественной войн, сражению, которое вместе с Сталинградской битвой и битвой за Днепр ознаменовала завершение коренного перелома в ходе боевых действий на советско-германском фронте. Естественно, что это сражение и его различные аспекты вызывали, вызывают и продолжают вызывать живейший интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей. В полной мере это касается и анализа немецкого военного планирования и тех целей, которых стремилось достичь германское верховное командование в летней кампании 1943 г.

Казалось бы, стоит ли поднимать этот вопрос, если в основополагающих документах высшего военного руководства III Рейха эти цели обозначены более чем недвусмысленно. Так, в оперативном приказе № 5, подписанном А. Гитлером 13 марта 1943 г., в качестве главной предпосылки планирования

весенне-летней кампании 1943 г. отмечалось, что «русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление». Поэтому, продолжал дальше фюрер, «наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать им (*русским – В.П.*), хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время уже имеет место на фронте группы армий «Юг» (*Гитлер имел в виду продолжавшееся наступление немецких войск на белгородско-харьковском направлении – В.П.*)...». При этом активные, наступательные задачи ставились трем из четырех групп армий, действовавших к тому времени на советско-германском фронте[1].

Развитием этого приказа стал оперативный приказ № 6, подписанный чуть более месяца позже, 15 апреля 1943 г.[2] Операция «Zitadelle», общий контур которой был обозначен в этом приказе, должна была стать первой в серии задуманных наступательных операций вермахта на Восточном фронте, которые должны были быть осуществлены поздней весной-летом 1943 г.[2, с. 502]

Два этих документа как будто достаточно четко и прямолинейно обозначили те цели и задачи, которые намеревалось достичь германское военное руководство в ходе предстоящей кампании. Красная Армия, которая с конца ноября 1942 г. владела стратегической инициативой на Восточном фронте, в ходе этих наступательных операций должна была утратить ее и отказаться от далеко идущих стратегических планов, занявшись тем, что стало для нее «привычно» в ходе летне-осенних кампаний 1941 и 1942 гг. – отражением германских ударов. Эта прямолинейность сыграла злую шутку с советской официальной историографией Курской битвы, в которой в начале 60-х гг. утвердилась мысль о том, что «Zitadelle» должна была сыграть ту же роль, что и операция «Blau» летом 1942 г. – разгромом советских войск под Курском «вскрыть» фронт и дальше или повернуть войска на юго-восток, устроив Красной Армии еще один «котел» на «Миус-фронте», или, паче того, повернув на север, выйти в верховья Дона и оттуда продвинуться к Волге или же выйти в тыл всей центральной группировке советских войск на Восточном фронте и угрожать Москве[3].

Не слишком изменилась ситуация и спустя десятилетие. Авторы классического исследования по истории Курской битвы со ссылкой на показания германских генералов и некоторых исследователей указывали на далеко идущие планы германского командования, которые будто бы должны были быть реализованы после победы под Курском[4]. И в фундаментальной «Истории второй мировой войны» оценка намерений германского командования на лето 1943 г. в общем осталась прежней (правда, с осторожной оговоркой насчет того, что дальнейшие перспективы вооруженной борьбы на Восточном фронте для Германии зависел от масштабов поражения советских войск на курском направлении[5]). Наступление под Курском, по мнению авторов раздела, должно было стать первой крупной наступательной операцией вермахта на

Восточном фронте летом 1943 г., за которой должны были последовать другие, имевшие своей конечной целью сокрушение всего южного крыла Красной Армии с последующим выходом в верховья Дона с возможным поворотом к Волге или на Москву, а также наступление на ленинградском направлении [5, с. 124-126].

Эта точка зрения продолжает сохранять свои позиции в официальной историографии и сегодня. Более того, в сущности, произошел даже своего рода откат назад. Если в военно-исторических очерках Великой Отечественной войны, выходявших в конце 90-х гг. минувшего столетия, о целях «Zitadelle» скромно сказано, что «эта операция считалась главной» для вермахта в летней кампании 1943 г. [6], то в новейшем издании по истории Великой Отечественной войны в разделе, посвященном подготовке Курской битвы, в сущности, повторены выводы из соответствующего тома «Истории второй мировой войны» и отмечается, что для германского командования операция под Курском «должна была стать **генеральным сражением** (выделено нами – **В.П.**) на восточном фронте и продемонстрировать превосходство немецкой военной стратегии, возросшую мощь, боеспособность и неудержимость нацистской Германии» [7].

Формально, если ограничиться поверхностным обзором событий, с этими положениями можно согласиться, однако есть некоторые нюансы, которые позволяют поставить под сомнение столь прямолинейную трактовку сущности германского военно-стратегического планирования весной 1943 г. Прежде всего стоит отметить показания фельдмаршала В. Кейтеля, сделанные им во время допроса представителями советских спецслужб в июне 1945 г. Во время опроса Кейтель показал, что «в **случае особого успеха**, возможно, продвигаться на Северо-Восток для того, чтобы перерезать жел[езные] дороги, ведущие от Москвы на Юг (я должен оговориться, что **эти предположения высказывались самым неопределенным образом**)» и что «в дальнейшем предпринять **аналогичную наступательную операцию ограниченного характера** под Ленинградом (выделено нами – **В.П.**)...» [8]

Мы не случайно выделили именно эти места в словах Вильгельма Кейтеля. Конечно, далее на допросе он показал, что «в это время не принимал участия в разработке планов и непосредственном руководстве Восточным фронтом и поэтому моя осведомленность в вопросах советско-германского фронта в период 1943 – [19]45 годов недостаточна» [8, с. 40], но если в деталях военного планирования на Востоке он, быть может, и не был силен, но все же в силу своего положения в военной верхушке германских вооруженных сил и приближенности к фюреру общая картина ему была более или менее ясна. И к его словам относительно «генеральных» целей летней кампании 1943 г. стоит относиться серьезно.

Не менее любопытны свидетельства генерала А. Йодля. На допросе он показал, что, во-первых, поскольку «армия Восточного фронта никогда не имела столько дивизий, чтобы располагать возможностью равномерно обеспечивать весь фронт», то «в 1943 г. существовало правило – **кто атакует, тот**

выигрывает»; во-вторых, неустойчивость германского Восточного фронта обуславливала и кажущийся парадоксальным, но, тем не менее, вполне логичный выход из ситуации – «возможно дольше удерживать инициативу в своих руках путем проведения **местных активных операций** (выделено нами – **В.П.**)...», не давать противнику времени опомниться и попытаться реализовать свои планы, а не реагировать на действия немецких войск. В-третьих, Йодль показал, что в планы германского командования на лето 1943 г. входило две такого рода местных наступательных операции – под Курском и Ленинградом, причем продолжение наступления под Курском не планировалось (стоит обратить внимание и на оговорку, допущенную начальником штаба 4-й ТА генералом Ф. Фангором, который после войны отмечал в своем отчете о действиях его армии в ходе битвы под Курском, что наступление в район за Курском оставалось под вопросом)[9].

Кроме того, интерес представляют и записки командующего группой армий «Юг» и одного из главных «героев» операции на курском направлении фельдмаршала Э. фон Манштейна. Мемуары. Конечно, весьма субъективный источник, а генеральские – и подавно, однако размышления бывшего командующего группой армий «Юг», пусть и сделанные *post factum*, представляют немалый интерес, тем более что по важнейшим позициям они совпадают с теми, что озвучили в 1945 г. В. Кейтель и А. Йодль.

Рассуждая о перспективах ведения вермахтом летней кампании 1943 г. на Восточном фронте, Манштейн с сожалением отмечал, что «для **наступления с далеко идущими целями** (выделено нами – **В.П.**), как это мы делали в прошлые годы, наших сил в сравнении с силами противника было недостаточно»[10]. Итак, главное, принципиальное положение, которое было положено в основу планирования, высказано – вермахт не обладает необходимым количеством соединений, не говоря уже о нужной степени их укомплектованности и боеготовности, для того, чтобы вести напряженные и длительные наступательные операции на широком фронте и на нескольких направлениях. В самом деле, последствия проигрыша не только и не столько битвы за Сталинград, сколько всей зимней 1942/43 гг. кампании (несмотря на одержанный под занавес ее успех под Харьковом) за три месяца, прошедших после завершения активной фазы зимней кампании до начал активной фазы кампании летней, не удалось. Да, посредством тотальной мобилизации удалось восстановить число немецких дивизий на Востоке – если на 1 июля 1942 г. на Восточном фронте (без учета Финляндии) насчитывалось 178 расчетных дивизий вермахта и СС, то годом позже их было уже 187[11]. Однако фронт протяженностью более 2000 км теперь вермахту приходилось держать самостоятельно, без союзников, ибо 2 румынских, 1 итальянская и 1 венгерская армия, какой бы низкой по немецким стандартам не была их боеспособность, теперь на Восточном фронте отсутствовали, а это, как-никак, 46,5 расчетных дивизий первой линии[11, с. 339]. И взять эти 46,5 дивизий общей численностью 650 тыс. солдат и офицеров, способных занять оборону на 600-700-км фронте с тем, чтобы высвободить

дять находившиеся там прежде немецкие дивизии для активных действий, было неоткуда.

Нехватка сил для масштабных наступательных операций, по мнению Манштейна, неизбежно вела к тому, что вермахт должен был перейти на Восточном фронте к обороне. «Если Советы намерены изгнать нас из своей страны, – продолжал он, – то **пусть они сами несут тяжесть и потери в наступлении, в котором они, может быть, истекнут кровью** (выделено нами – В.П.)...»[10]

Однако пассивная, позиционная оборона на Востоке, по мнению Манштейна, для вермахта была пагубна, ибо «соотношение сил позволяло Совету, в случае если бы мы ограничились чистой обороной, проводить наступление на различных участках Восточного фронта превосходящими силами и прорывать наш фронт», и, как результат, «противник добился бы или окружения стабильных участков фронта, или нашего отступления»[10, с. 488].

Отсюда Манштейн делал вывод – единственное спасение было в проведении активной обороны. «Мы должны были, – указывал он, – если даже в целом мы и ограничивались бы обороной, пытаться нанести противнику **мощные удары на отдельных участках**, в результате которых **он понес бы значительные потери** (выделено нами – В.П.)...» «И в рамках стратегической обороны мы **должны были снова вести маневренные операции** – завершал свои рассуждения Манштейн – **в них заключалась наша сила**»[10, с. 488].

И снова мы не случайно выделили это место в рассуждениях немецкого фельдмаршала. Эти размышления весьма схожи с теми тезисами, которые изложил в своем докладе на Рождество 1915 г. кайзеру Вильгельму II генерал Э. фон Фалькенгайн, начальник германского Полевого Генерального штаба. Подводя общие итоги войны за прошедших полтора года и намечая цели будущей кампании, он исходил из того, что, поскольку неприятель сделал ставку на войну на истощение, то пассивная оборона не может быть для Германии выходом из положения. По мнению Фалькенгайна, она только на руку врагам II Рейха, ибо «врагам притекает, ввиду их превосходства в людях и средствах, более сил, чем нам», потому рано или поздно, но должен был наступить такой момент, когда «жесткое соотношение сил более уже не оставит Германии больших надежд»[12].

Отсюда Фалькенгайн делал вывод о необходимости предпринять наступление против британской «континентальной шпаги», Франции (с выходом из войны которой, полагал он, рухнет и вся антигерманская коалиция). Но на что стоит обратить внимание в рассуждениях начальника германского Генштаба, так это на характер предлагаемого им наступления. «Для этого не нужно сомнительное и превосходящее наши силы средство массового прорыва. И с ограниченными силами, по-видимому, – указывал он, – может быть достаточно сделано для этой цели». Для этого лишь нужно выбрать точку приложения сил, место, настолько важное для французов, что для защиты его французское командование будет готово пожертвовать последним человеком. «Но если оно это сделает, – подытоживал свои рассуждения Фалькенгайн, – то Франция ис-

течет кровью, так как иного исхода нет, и притом одинаково, достигнем ли мы самой цели или нет». Если эта точка на карте окажется в руках немцев, то «моральное впечатление во Франции будет чудовищным»[12, с. 200], и, надо полагать, она будет вынуждена выйти из войны. Тем самым цель задуманной операции будет достигнута.

Преимущества задуманного Фалькенгайном наступления над всеми прочими вариантами действий заключались в том, что, во-первых, по его расчетам, «для операции, пространственно столь ограниченной, Германии не придется пожертвовать столь много сил, чтобы все другие фронты ее оказались значительно обнаженными»; во-вторых, «можно с уверенностью рассчитывать на предупреждение вероятных отвлекающих операций (противника – **В.П.**), сохраняя в достаточно количестве силы, чтобы на удары отвечать контрударами». И, в-третьих, германское командование сохраняло в своих руках инициативу, диктовало неприятелю свои условия игры, поскольку за ним «остается простор вести наступление быстро или медленно, иногда прерывать его или усиливать, как это будет отвечать обстановке»[12, с. 200-201].

Итак, в изменившихся условиях Фалькенгайн от стратегии «сокрушения» предложил перейти к новой стратегии, стратегии «обескровливания», «*Abnutzungskampfe*», суть которой заключалась в первую очередь в нанесении неприятелю максимально возможных потерь в людях и в технике. Неважно, будет ли достигнут глубокий прорыв и захвачены десятки и сотни кв. км неприятельской территории – успех будет измеряться десятками и сотнями тыс. убитых, раненых и плененных вражеских солдат и офицеров, десятками разгромленных дивизий, полями разбитой техники и брошенной амуниции и снаряжения. И чем больше жертв будет возложена на алтарь Марса, тем большим будет достигнутый успех.

И на что еще стоит обратить особое внимание – это кровопусканием е должны устроить несколько хорошо подготовленных дивизий, обильно снабженных боеприпасами и в особенности артиллерией. «*L'artillerie dévaste, l'infanterie submergé*», «артиллерия разрушает, пехота наводняет» – этой французской фразой того же времени можно охарактеризовать вкратце фалькенгайнову методику наступления. 6,5 дивизий немецкой ударной группировки, которые должны были наступать на фронте в 14 км, свои огнем поддерживали 1204 орудия (в т.ч. 654 тяжелых и 29 сверхтяжелых), и 202 миномета (в т.ч. 32 тяжелых) – концентрация артиллерии неслыханная доселе![13] Именно артиллерия, самое совершенное и могущественное техническое средство ведения войны в то время, должна была перемолоть живую силу и технику французов, а на плечи пехоты ложилась второстепенная, по существу, задача – занять местность и очистить ее от остатков неприятельских войск.

А теперь стоит обратить внимание на состав и техническое оснащение немецкой группировки под Курском в начале июля 1943 г. Через воспоминания немецких генералов и обер-офицеров, участников сражения, рефреном проходит одна и та же мысль – «операция «Цитадель» провалилась, поскольку проводилась недостаточными силами» (Т. Буссе, начальник штаба группы ар-

мий «Юг»)[9, с. 45]. Так ли это? Ударная группировка 9-й армии на северном фазе Курского выступления насчитывала 4 танковых и 7 пехотных дивизий, а также сводную танковую бригаду, 2 дивизиона тяжелых противотанковых САУ и 3 дивизиона штурмовых орудий. Южная группа состояла из двух ударных кулаков, образованных силами 4-й танковой армии (2 танковых дивизии и 4 танково-гренадерских дивизии, а также 1 пехотная дивизия и сводная танковая бригада) и оперативной группы «Кемпф» (3 танковых дивизии, 1 пехотная дивизия, тяжелый танковый батальон и дивизион штурмовых орудий)[14].

Нетрудно заметить, что главную роль в наступлении должны были сыграть танковые и танково-гренадерские дивизии и вообще бронетанковые части и соединения. Пехота выступала, что называется, «на подхвате» и должна была обеспечивать действия танковых соединений. С учетом же того, что действия немецких войск должны были поддерживать значительные силы артиллерии (2051 артиллерийское орудие и установка реактивных минометов) и ВВС (1781 боевой самолет, 70 % всей немецкой авиации, действовавшей к тому времени на Восточном фронте)[15], упор на техническую составляющую будущего наступления более чем очевиден. Создается четкое впечатление, что К. Цейтцлер, начальник генерального штаба сухопутных войск, руководивший разработкой плана наступления под Курском, вдохновлялся идеями Фалькенгайна. Танковые кулаки, поддержанные мощной артиллерией и ударами с воздуха, должны были навязать советским войскам битву на истощение, в которой перевес был бы явно на стороне немцев. В том, что русские будут вести оборону активно, постоянно переходя в контратаки, германские генералы по опыту предыдущих сражений на Восточном фронте не сомневались. В такой же борьбе лучшая тактическая подготовка немецких войск и широкомасштабное использование новой и модернизированной техники (особенно танковой и авиационной) должны были дать вермахту желанный эффект – даже в наступлении наносить неприятелю потери большие, чем они несли бы сами.

Ставка на техническое превосходство была сделана германским командованием отнюдь не случайно. К 1943 г. стало ясно, что с вступлением в войну США Германия больше не может рассчитывать не только на превосходство, но даже на паритет в численности и людей, и техники со своими противниками. Отсюда и попытка перейти от количества к качеству, подвергнуть серьезной модернизации для повышения боевых качеств существующие образцы вооружения и/или принять на вооружение новые, отличающиеся от прежних лучшими характеристиками и боевой эффективностью. Немудрено, что Гитлер, впечатленный мощью тех же «тигров» (а этот тяжелый немецкий танк в конце 1942 г. и на протяжении большей части 1943 г. непревзойденным по своим боевым характеристикам), был готов отложить начало наступления под Курском до того момента, пока войска не получат новую технику в достаточном для успеха количестве.

Технический вопрос был так или иначе, но тесно увязан с экономическим потенциалом III Рейха и оккупированных им территорий. К 1943 г. Германии пришлось, вопреки всем стараниям и ожиданиям, столкнуться с крайне

неблагоприятной ситуацией, когда ей предстояло вести войну на нескольких фронтах сразу и в нескольких измерениях одновременно – не только на суше, но еще и на море и в воздухе. Германская же экономика вплоть до сталинградской катастрофы не была отобилизована в той же степени, как, к примеру, советская. Для того, чтобы программа «тотальной мобилизации» и создания *wunderwaffe* дала свой эффект, нужно было время. И переход к стратегической обороне на бастионах *Festung Europa*, «Крепости Европа», должен был дать это время, а там успешные действия германских войск, оснащенных новейшей техникой, и интриги дипломатов (в Берлине не верили в долговременность и прочность союза между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом) должны были дать свой эффект – если и не выиграть войну, то, во всяком случае, не проиграть ее, заключить почетный мир.

Выходит, что операция «*Zitadelle*» действительно должна была стать «факелом для всего мира», продемонстрировав изменившийся подход Германии к ведению войны и новые перспективы, которые открывались в этой связи. И трескучие фразы из преамбулы к оперативному приказу № 6 не должны закрывать сущности произошедшей перемены – перехода от стратегии сокрушения к стратегии истощения, контуры которой в этом документе просматриваются более чем явственно. Именно этой новой стратегии соответствовали в полной мере основные положения замысла операции «*Zitadelle*» – во-первых, наступление должно было носить, в отличие от предыдущих, **ограниченный в пространстве характер** (выделено нами – **В.П.**); во-вторых, операция должна была принести **быстрый и решающий успех** (выделено нами – **В.П.**); в-третьих, этот успех гарантировал сокращение протяженности линии фронта; в-четвертых, новое начертание линии фронта позволяло высвободить ряд соединений, прежде всего подвижных, и создать стратегический резерв, столь необходимый для борьбы за *Festung Europa*; в-пятых, наступление под Курском должно было стать первым в цепочке задуманных наступательных операций, призванных перехватить и удержать стратегическую инициативу на Восточном фронте в руках вермахта; в-шестых, успех задуманного наступления под Курском и иных, которые могли за ним воспоследовать, должны были измотать Красную Армию, нанести ей серьезные потери, лишить советское командование стратегических резервов (в особенности подвижных) и тем самым не дать ему возможности повторить свой успех зимы 1942/43 гг.[2] Но, подобно тому, как в 1916 г. под Верденом немецкому командованию не удалось навязать французам борьбу на истощение, увязнув в позиционных боях вместо быстрого и решительного успеха, точно также и под Курском «рецепт» Фалькенгайна не сработал, а вместе с ним и надежды навязать союзникам борьбу на истощение. Окончательно эти надежды рухнули после того, как советские войска осенью 1943 г. форсировали на широком фронте Днепр и взломали пресловутый *Ostwall*, «Восточный вал», за которым германское командование рассчитывало отсидеться и, по словам Кейтеля, «выиграть время для восполнения потерь, понесенных армией»[8]. Хотя Красная Армия в боях под Курском и понесла потери в живой силе и технике существенно большие, чем

противостоявшие ей немецкие войска, однако она сохранила достаточно сил и ресурсов, чтобы перейти в успешное контрнаступление на центральном и южном участках советско-германского фронта и завершить перелом в ходе Великой Отечественной (а вместе с ней и Второй мировой) войны в свою пользу.

Библиографический список:

1. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М., 1973. С. 399-401.
2. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 502-506.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. III. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М., 1961. С. 239-240.
4. *Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г.* Курская битва. М., 1970. С. 43.
5. История второй мировой войны. Т. 7. М., 1976. С. 125.
6. Великая Отечественная война 1941-1945. Кн. 2 Перелом. М., 1998. С. 252.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 526.
8. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1941-1951. М., 2009. С. 40.
9. *Ньютон С.* Курская битва: немецкий взгляд. М., 2006. С. 102.
10. *Маништейн Э. фон.* Утерянные победы. Р.-на-Д., 1999. С. 487.
11. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 2002. С. 335, 395.
12. *Фалькенгайн Э. фон.* Верховное командование. М., 1923. С. 194, 196.
13. *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. С. 355.
14. *Гланц Д., Хауз Дж.* Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М., 2007. С. 65-67.
15. *Исаев А.В.* Освобождение 1943. «От Курска и Орла война нас довела...». М., 2013. С. 176-179.

Тарасов С.А.

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ КРАСНОЙ АРМИИ В КУРСКОЙ БИТВЕ: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 279-й ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ АВИАЦИОННОЙ ДИВИЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Военно-воздушных сил Красной армии (ВВС КА) в ходе сражения на северном выступе Курской дуги с 5 июля по 23 августа 1943 года на примере боевого применения 279-й истребительной авиационной дивизии 6-го истребительного авиационного корпуса 16-й воздушной армии, действовавшей на Центральном фронте.

Ключевые слова: военная авиация, истребитель, авиационная дивизия, воздушный бой. Military aviation, aircraft fighter, air division, air fight, dogfight.

Планируя свое летнее наступление в районе Курска германское военное командование рассчитывало путем ликвидации крупной группировки советских войск ослабить наступательный порыв Красной армии, создав тем самым благоприятные предпосылки для дальнейшего ведения войны на Восточном фронте и поддержать начавший пошатываться авторитет среди своих союзников[1, с. 185, 187].

Необходимые наземные и воздушные силы немецкое командование стало создавать еще в марте 1943 года. Однако, сроки их готовности постоян-